

обойтись, тогда раньше или позже, столбовой дорогой или проселочными, общественная мысль находит доступ к питающим ее источникам.

С тем или иным размахом гуманистические течения в период XV—XVI вв. сказались в большинстве европейских стран, включая Германию, Чехию, Польшу, Сербию. Свою базу эти течения имели в городах.

Энгельс писал: «Как вся эпоха Возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства».<sup>2</sup> Результаты работ советских исследователей в области истории древнерусских городов, их экономического развития и связей, их классового состава и классовых отношений, при всем своеобразии русского города XV—XVI вв., снимают проблему «контраста» между русским и, например, немецким, чешским, польским средневековым городом. Мы имеем в виду исследования М. Н. Тихомирова, Н. Г. Порфиридова, Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского. Было бы поэтому правильно связывать становление и русской гуманистической мысли с развитием городской жизни Москвы, Новгорода, Пскова. Твери в XV и XVI вв.

Что же касается сопоставлений между использованием античного духовного наследия западноевропейской культурой, с одной стороны, и русской культурой — с другой, между западноевропейской и русской гуманистической мыслью, то такие сопоставления только тогда станут научно плодотворными, когда они будут исходить не из «сплошных» оценок, а из конкретно-исторического изучения. Тогда окажется, что культурно-бытовой паганизм эпохи Возрождения (мимо которого действительно прошли нравы и культура древней Руси) не покрывал собой содержания и всех направлений европейского гуманизма. Если заглянуть в творческие лаборатории итальянских гуманистов XV в., например Марсилиа Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, то в них окажутся не только Платон, Аристотель и Плотин, но и апостол Павел и Псевдо-Дионисий Ареопагит. В отмеченном В. Иконниковым «ограниченном влиянии Византии» следует установить границы «ограниченного».

Исследование, осуществленное при этих условиях, покажет всю относительность «контраста» в культурном развитии Европы и России и обнадежит труд, направленный на поиски следов античной мысли в памятниках древнерусской письменности.

## I

Как ни ограничено было знакомство русского общества XV—XVI вв. с памятниками античной мысли, кое-что из этой области было известно на Руси. В конце XIV или начале XV в. в памятниках русской письменности встречаются «Менандра Мудрого разуми», сборник изречений из комедий знаменитого греческого драматурга. Круг древнерусских читателей Менандра указывается, между прочим, в послании новгородского архиепископа Геннадия к ростовскому архиепископу Иосафу, где, перечисляя книги, имевшиеся у новгородских еретиков, Геннадий называет Менандра.

Послание Геннадия к Иосафу составлено в 1489 г., а в 1495 г. деятель итальянского гуманизма Альд Мануций, с которым, кстати сказать, был знаком и связан Максим Грек, издал изречения Менандра в Венеции

<sup>2</sup> Ф. Энгельс Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии Госполитиздат, 1955, стр. 49